

Сикевич З.В. 2012. *Этнические парадоксы и культурные конфликты российского общества*. СПб.: Изд-во СПбГУ. 206 с.

Сикевич З.В. 2014а. *Этнические парадоксы глобального общества*. Praha: Nakladatelství O. Krylova. 137 с.

Сикевич З.В. 2014б. Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 12. Вып. 2. С. 196-206.

SIKEVICH Zinaida Vasil'evna, Dr.Sci.(Soc.), Professor, Professor of the Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint Petersburg, Russia, 199034; sikevich@mail.ru)

PUBLIC FIGURES IN RUSSIAN HISTORY IN THE EYES OF CITIZENS OF SAINT PETERSBURG (on materials of sociological research)

Abstract. In the article the significance of public figures in Russian history in the minds of residents of Saint Petersburg is considered on materials of sociological research. The study shows that the historical memory is one of the dominant features of national unity. The author demonstrates the dynamics of changing minds of residents of Saint Petersburg in 1996–2014 and finds its age conditionality.

Keywords: historical memory, historical representation, historical figure, sense of pride, sense of shame, temporal dynamics of representations, age-determined valuations, respondent, content-analysis

БАРДИН Андрей Леонидович – к.полит.н., научный редактор журнала «Полис. Политические исследования»; младший научный сотрудник центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; andreybardin@gmail.com)
КОКАРЕВА Анна Николаевна – редактор отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН; научный редактор журнала «Полис. Политические исследования» (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, оф. 208; biturr@gmail.com)
МИХАЙЛОВА Елена Викторовна – к.и.н., ответственный секретарь журнала «Полис. Политические исследования» (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, оф. 208; lilaste@list.ru)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье подводятся итоги сравнительного анализа репрезентации структур российского гражданского общества в российских печатных и электронных СМИ в 2014–2015 гг. Исследование базируется на методике дискурс- и контент-анализа. Предметом анализа выступают лексические единицы, формирующие языковые образы гражданского общества, ключевые характеристики его репрезентации и субъектность, а также тематическая и дискурсивная рамки репрезентации гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданский активизм, протестная активность, общественный контроль, государство, коммуникация, дискурс

В статье представлены промежуточные итоги второго этапа реализации исследовательского проекта, в рамках которого осуществляются мониторинг и

анализ дискурса о гражданском обществе российских средств массовой информации, принадлежащих к различным фрагментам общественно-политического спектра, — «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета», «Новая газета», «Труд», «Советская Россия», «Правда», «РБК Daily», «Lenta.ru». Ключевыми элементами анализа в исследовании выступают лексические единицы, формирующие языковые образы гражданского общества в СМИ, ключевые характеристики его субъектности; выявляются тематическая и дискурсивная рамки репрезентации гражданского общества.

Базовым для настоящего исследования является одно из классических определений гражданского общества, данное Ф. Шмиттером: это «система самоорганизованных посреднических групп, которые: (1) относительно независимы как от публичных властей, так и частных субъектов производства и воспроизводства, т.е. фирм и семей, (2) способны осмысливать и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств, (3) не стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т.е. принять ответственность за процесс управления государством в целом, (4) готовы действовать в рамках установленных правил “цивильного”, “гражданского”, т.е. взаимоуважительного порядка» [Schmitter 1992: 240].

Российское гражданское общество в общественно-политическом процессе

В работе, посвященной подведению итогов первого этапа проекта, мы отмечали, что гражданское общество в России, с одной стороны, находится в состоянии неопределенности в пространстве частно-государственных отношений, но, с другой стороны, имеет место общий тренд его активизации [Бардин, Кокарева, Михайлова 2014: 130]. Можно утверждать, что данный тренд сохранился и в 2015 г., при этом возростала не только гражданская активность как таковая, но и общий интерес россиян к политике — прежде всего на фоне ухудшения отношений с западными странами, антироссийских санкций, кризиса на Украине и российской кампании в Сирии.

В 2015 г. было зафиксировано немало случаев, когда россияне выступали в защиту своей гражданской позиции по вопросам, получившим широкий общественный резонанс. Одним из наиболее ярких примеров стала реакция различных институтов, групп и отдельных граждан на решение главы фонда «Династия» Д. Зимина прекратить деятельность фонда в связи с его внесением в реестр иностранных агентов: «Но и тех, кто подставил Зимину плечо, оказалось немало. За “Династию” вступились Совет по правам человека при президенте, Уполномоченный по правам человека Элла Памфилова, глава Комитета гражданских инициатив Алексей Кудрин, президент РСПП Александр Шохин, Общество научных работников, сообщество академиков и членов-корреспондентов РАН, Совет по науке и Общественный совет при Министерстве образования, издательство Corpus. Почти все они призвали пересмотреть закон об “иностранцах агентах”. Общественное негодование дошло до самого верха. Президента на закрытой встрече с бизнесменами спросили о судьбе организаций Зимина и Ясина»¹. Активнее всех в поддержку фонда выступили российские ученые: «В одно высказывание сливаются краткие — пять минут на все — речи тех, кто говорит о том, что *гражданское общество — это не сидеть на кухне с разговорами, а действие и солидарность*»².

Впрочем, говорить о высоких темпах развития российского гражданского общества пока рано: как показали данные исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2014–2015 гг., интерес к общественной деятельности в целом отсутствует у 77% россиян, и в стране наблюдается спад протестной активности

¹ Гирич Н. Наш митинг на самом деле про хамство. — *Новая газета*. 03.06. 2015.

² Поликовский А. Вынос мозга. Репортаж с митинга в защиту науки. — *Новая газета*. 08.06. 2015.

[Петухов, Петухов 2015: 33–34]. Данные опросов показывают и то, что сама «идентификация гражданского общества представляет для граждан чудовищную проблему: в 2015 г. 56% не могут ответить на вопрос, есть оно в стране или нет (10% уверены, что есть, 21% – скорее есть, 10% – скорее нет, 3% – безусловно нет)¹. По мнению ученых центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, несмотря на это, говорить об угасании политической и общественной жизни в стране нельзя: так, основной площадкой для выражения позиции на сегодняшний день выступает Интернет, где в общественно-политических дискуссиях принимают участие 7% россиян; 6% опрошенных работают на общественных началах в органах местного самоуправления, по 4% – в волонтерских и благотворительных организациях [Петухов, Петухов 2015: 34].

Представляется, что о невысоких темпах развития гражданского общества в России свидетельствует и тот факт, что в рассмотренных в рамках проекта публикациях за 2015 г. термин «гражданское общество» и его аналоги употребляются примерно с той же частотностью, что и в 2014 г., при этом не наблюдается рост его репрезентации как актора общественно-политического процесса.

Содержательное наполнение понятия «гражданское общество», как и в 2014 г., выступает примером борьбы дискурсов. С одной стороны, полезность гражданской активности для общества вовсе не является безусловной и зачастую оспаривается. «Активисты» – *горе нашей страны*. Они настраиваются на волну и ловят, что может быть востребовано. В целом они чувствуют – востребовано насилие. Пытаются угадать, какое: что еще запретить, кого еще травить. Если завтра раздастся призыв ловить шпионов на улицах и в магазинах, охотников организовать такую ловлю искать не придется².

С другой стороны, гражданское общество характеризуется лексемой «хозяин в доме», именно на него возлагается роль драйвера общественно-политического развития: «Путь к превращению *послушного обывательского стада в гражданскую нацию* труден, но прям. Всего-то и нужно, чтобы в общественном сознании укрепилась простая мысль: хозяева в доме не политики, каковы бы они ни были. Они всего лишь важные администраторы, выбранные и, за большие деньги, нанятые на определенный срок населением. *Хозяин в доме – открытое гражданское общество*. Это общество имеет право и даже долг придирчиво следить за действиями ветвей государственной власти, открыто обсуждать и оценивать эти действия. Оно внимательно к мнениям меньшинств и защищает их право высказывать эти мнения»³.

Гендиректор ВЦИОМа Валерий Федоров придерживается той точки зрения, что активные горожане – это «*говорливое меньшинство*», «*более чувствительные и беспокойные*». Они участвуют в жизни своего города, района, дома, состоят в общественных организациях и инициативных группах, пытаются формировать повестку дня. Эти люди *хорошо информированы, критичны к власти и официальным СМИ, независимы в формировании своей точки зрения*⁴. Согласно результатам исследования Института социологии РАН, большую часть наиболее активных граждан составляет молодежь в возрасте до 30 лет (57%), люди с высшим образованием (47%), специалисты высокого уровня (53%), жители крупных городов (44%)⁵. С точки зрения гражданской активности в рассмотренных СМИ в 2015 г. наиболее широко представлены прежде всего первая и последняя группы.

¹ Синицын А. Общество без граждан. – *Ведомости*. 03.11.2015.

² Тимофеева О. Ольга Седакова: «Активисты» – горе нашей страны». – *Новая газета*. 13.03. 2015.

³ Ковалев С. Открытое письмо Сергея Ковалева. – *Новая газета*. 24.06.2015.

⁴ Ушакова Д. «Сердитых» сделают довольными. – *Lenta.ru*. 10.02.2015.

⁵ Добрынина Е. Поверь, не бойся, не грусти. – *Российская газета*. 30.01.2015.

Общественная позиция молодежи

Молодежь в медийном дискурсе главным образом характеризуется, с одной стороны, высокой открытостью к восприятию новых практик гражданского участия («гораздо более открыты миру, чем когда-либо»), таких как волонтерство («все больше молодых людей в Липецкой области становятся волонтерами и предлагают свою помощь тем, кто в ней нуждается <...> Поучаствовать в акции стремились студенты колледжей, училищ и вузов <...> Число доноров достигло трехсот – это в два раза больше, чем в прошлом году»¹), участие в различных местных инициативах («был запущен сервис поиска неопознанных пациентов больницы “Найди меня” <...> 80 процентов пользователей системы – люди молодого и среднего возраста, от 18 до 45 лет. Чаще всего в проекте участвуют молодые родители»²). С другой стороны, важными аспектами репрезентации молодежи выступают ее общая удовлетворенность жизнью («пока им живется в России довольно комфортно»³) и высокий уровень поддержки власти («молодежь существенно чаще прочих выражает одобрение деятельности президента»⁴).

Однако даже эта группа граждан «деятельное участие в политических движениях принимает редко»⁵, а уровень ее политической грамотности невысок: «возлагать политические надежды на российскую молодежь по меньшей мере преждевременно. У нее есть заметные проблемы с политической субъектностью – до тех пор, пока не заходила речь о политике, подавляющее большинство наших респондентов производили впечатление вполне сознательных, информированных, самостоятельных граждан. Однако в политических вопросах многие чувствовали себя неуверенно и не хотели в них разбираться»⁶.

Молодежь, проявляющая наибольшую политическую активность, репрезентируется главным образом через призму ее отношения к сложившейся в России в последние годы ситуации в сфере публичной политики. Часть молодых россиян, принадлежащих к этой группе, отрицательно воспринимают ограниченность пространства российской публичной политики и «пробуксовку социального лифта»: «неоправданные ожидания молодежи перешли в безразличие и отрицание у одних, в недовольство, возмущение и фанатичное желание получить обещанное – у других»⁷. Другая ее часть реализует свой потенциал в рамках государственных программ, в которых доминирует историческо-патриотическая и образовательная тематика – Селигерский и Таврический форумы, общероссийский форум «Россия студенческая», «Антимайдан»: «В акции приняли участие представители ветеранских и молодежных организаций, казаки и байкеры <...> Митингующие держали плакаты с лозунгами “Россия и Чечня – пример борьбы с международным терроризмом”, “Америка! Забирай майдан себе”, “Путин, мы с тобой”, “Мы Донбасс”»⁸.

В условиях обострения отношений с западными странами и кризиса на Украине тренд внутренней консолидации общества стал ключевым. Наиболее ярко его характеризует публикация в «Российской газете»: «Нам нельзя “проспать” молодежь. Нам необходима консолидация государства и общества на основе ценностей, привитых нашей историей. Нам необходим патриотический тренд в обще-

¹ Вишневецкая М. Доноры помолодели. – *Российская газета*. 27.02.2015.

² От редакции. В правительстве Москвы подвели итоги первого года работы «Активного гражданина». – *Lenta.ru*. 19.05.2015.

³ Волков Д., Снеговая М. Протестный потенциал молодежи. – *Ведомости*. 20.01.2015.

⁴ Левинсон А. Наше «мы»: О завтрашнем дне. – *Ведомости*. 27.10.2015.

⁵ Лебедева Н. Жизнь наугад. – *Российская газета*. 10.03.2015.

⁶ Желнина А. Гражданское общество: «Мы пока маленькие». – *Ведомости*. 26.05.2015.

⁷ Лебедева Н. Жизнь наугад. – *Российская газета*. 10.03.2015.

⁸ От редакции. Полиция оценила численность «Антимайдана» в 40 тысяч человек. – *Lenta.ru*. 21.02.2015.

ственном сознании. Нужны фильмы, книги, выставки, современные видеоигры, нужен патриотический Интернет, патриотическое радио и ТВ. *Против нас, а значит против правды, начался новый блицкриг. Мы должны выступить в поддержку президентского курса и перейти в идеологическое контрнаступление по всему фронту в этой войне за умы*¹.

Активизм жителей крупных городов

Гражданская активность жителей крупных городов представлена в СМИ достаточно широко, столь же широк и спектр акторов гражданского общества в этой группе. Однако в поле зрения СМИ попадает практически исключительно протестная активность жителей — прочие инициативы на местах, как и в 2014 г., освещены лишь в нескольких публикациях. В целом, как отмечалось выше, уровень протестной активности снизился по сравнению с прошлым годом, однако в газетах «Правда», «Советская Россия» и «Труд» эта тематика по-прежнему занимает первое место. Можно констатировать конкуренцию дискурсов: с одной стороны, в этих газетах, в отличие от других СМИ, мониторинг которых был проведен в рамках настоящего исследования, профсоюзное движение репрезентируется как одна из наиболее активных структур гражданского общества в контексте борьбы за социальную справедливость («В Оренбурге активисты профсоюзов области *вышли на митинг* под общероссийским лозунгом “За справедливую бюджетную политику! Нет — произволу финансистов!”²; активисты профсоюза “Университетская солидарность” *ставят под сомнение* утверждение администрации РГГУ о том, что денег на выплату заработной платы нет. Профсоюз даже *предложил ректорату свои услуги* в поиске необходимых средств. Он также *призвал коллег объединить усилия* по борьбе за свои трудовые права³). С другой стороны, профсоюзное движение в изданиях делового спектра репрезентируется как незначительное: «Забастовка — это слово из какой-то чужой или забытой жизни. Да, теперь мало крупных предприятий, где тысячи пролетариев могут стать плечом к плечу в рабочей стачке. *Давно не видны профсоюзы, которые возглавят забастовку и поведут переговоры с работодателями*»⁴. Представляется, что подобное расхождение дискурсов прежде всего свидетельствует об отсутствии у большинства граждан доверия к способности профсоюзов повлиять на процесс принятия решений в соответствующих институтах.

Об общей тенденции роста гражданской активности жителей крупных городов можно судить по росту числа участников всероссийской акции «Бессмертный полк»: «Сегодня, подводя итоги акции “Бессмертный полк”, ее организаторы в Москве и в некоторых других городах России делают упор на цифры. Да, цифры в этом году действительно рекордные, что отмечают и в Томске, где четыре года назад состоялось первое масштабное шествие горожан с портретами фронтовиков и оформилась сама эта акция в ее нынешнем виде»⁵.

Тенденции репрезентации гражданского общества

Проведенный анализ показывает, что в медийном дискурсе в 2015 г. при освещении вопроса о развитии гражданского общества в России преобладают негативные коннотации. Во-первых, подчеркивается пассивность большей части россиян, используются такие слова, как «молчание», «равнодушные», «самоустра-

¹ От редакции. «За нашу победу!» — *Российская газета*. 15.01.2015.

² Романенко С. Вместе с профсоюзами. — *Правда*. 9-12.10.2015.

³ Комов В. Преподавателей перевели на голодный паек. — *Правда*. 13-14.10.2015.

⁴ Левинсон А. Наше «мы»: Забастовочная пассивность. — *Ведомости*. 10.11.2015.

⁵ От редакции. Более 250 тысяч человек собрались на акции «Бессмертный полк». — *Lenta.ru*. 09.05.2015.

нение»: «Российское общество не то что не нагнетает, оно *почти безмолвствует* <...> Кто-то задается вопросом: “Почему мы *молчим?*” И сам отвечает: “Потому что... *равнодушные* люди. А кто неравнодушен, уже не знает, куда бежать и за что хвататься”»¹; Малый бизнес <...> живет по принципу “*Нас не трогайте!*”, профсоюзы *самоустраились* от общественной деятельности, а малая прослойка креативного класса в городах-миллионниках пока *занимается только собой*, исповедуя кредо “Fun & Enjoy”»².

Во-вторых, ряд публикаций поднимают экзистенциальные вопросы гражданского общества в России, объясняя проблемы его развития и значительной маргинальности историческими особенностями страны: «В западноевропейских монархиях стремление элиты добиться от монархов особой привилегии — неприкосновенности для себя и своих владений — привело в течение столетий к распространению права собственности на все более широкие слои общества. Собственность стала одной из основ для защиты гражданских и политических прав. Частная собственность и гражданские права были, так сказать, одного поля ягоды. В России же собственность и гражданственность произрастали на разных полях. Права собственности — прежде всего сословные, помещичьи — регулировало и защищало самодержавное государство. А *гражданские права отстаивали те, кто против самодержавия боролся, — часто непримиримые революционеры*»³.

Исследование репрезентации в СМИ структур российского гражданского общества и их взаимодействия с государством в 2015 г. по сравнению с 2014 г. позволяет констатировать усилившийся акцент на значительном «коммуникативном провале» между гражданским обществом и государством, нехватке эффективных инструментов и каналов взаимодействия: «проблема <...> в том, что у чиновников *отсутствуют эффективные механизмы взаимодействия с НКО* и общественными объединениями. “Нет даже инструментов знакомства с ними, нет практики диалога, а подобная дискуссия важна для понимания работы именно с неформальными гражданскими сообществами, которые будут в дальнейшем формировать повестку современных городов”»⁴; «выстраивая систему общественных коммуникаций в регионах, столкнулись с проблемой качества общественных палат субъектов РФ. *В основном это просто декорации*»⁵. Тем самым проблема неопределенности позиционирования гражданского общества и его внутренней дисперсности накладывается на проблему коммуникативную и институциональную; как отмечают Л.И. Никовская и В.Н. Якимец, «провалы и институциональные разрывы во взаимодействии власти и гражданского общества блокируют процесс формирования, защиты и продвижения общественных интересов <...> Основой этого процесса выступает искусство диалога, налаживания эффективных коммуникаций, которые позволяют выявить зоны совмещения интересов и создать условия для их согласования» [Никовская, Якимец 2015: 56].

Тренды взаимодействия

Проведенный анализ показывает, что за 2014–2015 гг. в государственной политике и во властном дискурсе наметился ряд тенденций, характеризующих взаимодействие государства и гражданского общества. Рассмотрим ключевые из них.

¹ Эйсмонт М. Гражданское общество: Общество безмолвствует. — *Ведомости*. 29.10.2015.

² Городецкая Н., Кряжев Р. Гражданскому обществу Поволжья поставили диагноз. — *Коммерсант*. 30.03.2015.

³ Трудолюбов М. «Левиафан»: Человек не предусмотрен. — *Ведомости*. 06.11.2015.

⁴ Туманов Г. НКО показали высокую фиктивность. — *Коммерсант*. 24.02.2015.

⁵ Нагорных И. «Я был удивлен, в каком разобранном состоянии находится сфера НКО». — *Коммерсант*. 15.06.2015.

1. *Тенденция к разделению действующих в России некоммерческих организаций на «социально ориентированные» и «политически ориентированные».* В этой связи можно говорить и о более общем тренде на разделение третьего сектора на «конструктивную» и «деструктивную» части, т.е. на ту его часть, на которую власть готова «опереться», которой «можно доверять» и к которой будут прислушиваться, и всех прочих (тех, кто стремится к расколу страны, «агентов влияния внешних сил»). Эти тенденции получили в 2015 г. значительное развитие как в дискурсе, так и в политической и законодательной практике, воплотившись, во-первых, в ряде инициатив по «препарированию ткани» гражданского общества, его классификации, анализу мотивов его деятельности, лейтмотивом которых стала констатация слабости третьего сектора: «В докладе, который эксперты РАНХИГС составили по заказу ОП РФ, прямо говорится, что *ситуация с НКО в России близка к плачевной*. Исследование показывает, что в каждом регионе реально работает не более 10% от зарегистрированных НКО, а многие тысячи организаций либо просто существуют на бумаге, либо осваивают государственные и муниципальные деньги»¹. Наиболее емко данный аспект охарактеризовал заместитель директора ИМЭМО РАН Е.Ш. Гонтмахер: «*Во власти распространено мнение, что гражданское общество непрофессионально*»².

Во-вторых, речь идет о создании перечня тех НКО, которым власть прежде всего готова оказать поддержку: «в течение нынешнего года в федеральных округах предполагается провести девять форумов гражданского общества <...> На форумах будет обсуждаться, в частности, создание *реестра социально ориентированных НКО*»³, а также их разграничение с «политическими НКО», от которых ожидают безоговорочной поддержки российской государственности, усилий по консолидации страны перед внешними вызовами. В рамках данной тенденции и в ситуации кризиса отношений России со странами Запада все более четко формулируются ожидания государства от гражданского общества: «Владимир Путин... сформулировал, *чем должны заниматься некоммерческие организации (НКО), работающие в политической сфере*. Их деятельность, по словам президента, *должна быть направлена на решение общенациональных задач* — совершенствование политической, судебной и правоохранительной систем, а также на правозащиту. Путин подчеркнул, что государство готово поддерживать такие НКО, и предложил усовершенствовать терминологию, дав более четкое определение и социально ориентированных НКО, и политической деятельности»⁴.

Наконец, в-третьих, разделение третьего сектора на «конструктивную» и «деструктивную» части усилилось с введением категории «нежелательных иностранных и международных организаций», вставшей в один ряд с лексемой «иностранный агент»: «Госдума приняла в третьем, окончательном чтении проект закона о *нежелательных иностранных и международных организациях*. Он запрещает деятельность на территории России организаций, представляющих угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны или безопасности государства»⁵.

2. *Тенденция к репрезентации протестной активности как деструктивной для страны и общества.* Данный тезис активно звучал в 2014 г. и получил развитие в 2015, а сама тенденция является продолжением отмеченной выше, что во многом подтверждает, к примеру, следующая цитата: «Общественная палата России

¹ Туманов Г. НКО показали высокую фиктивность. — *Коммерсант*. 24.02.2015.

² Байдакова А. Форум гражданских надежд. — *Новая газета*. 23.11.2015.

³ Городецкая Н. Общественная палата собралась в регионы. — *Коммерсант*. 23.01.2015.

⁴ Мухаметшина Е., Чуракова О. Четко по-путински. — *Ведомости*. 16.01.2015.

⁵ От редакции. Госдума приняла проект закона о нежелательных иностранных организациях. — *Lenta.ru*. 19.05.2015.

зафиксировала протестные настроения в нескольких регионах страны. Об этом на пресс-конференции в Москве заявил секретарь организации Александр Бречалов. <...> Секретарь ОП отметил, что в указанных регионах *процессом дестабилизации обстановки могут управлять профессиональные группы, состоящие из членов некоммерческих организаций (НКО), которые получают зарубежное финансирование.* “Они подхватывают тему, упаковывают ее и запускают вот это вот настроение — выйти на митинг, — добавил Бречалов. — В Общественной палате пообещали сделать выводы и *больше поддерживать социально ориентированные НКО, которые что-то полезное делают для региона*”¹.

Общий спад протестной активности в России в рамках данной тенденции находит отражение в СМИ различной направленности, что позволяет сделать вывод о еще одной тенденции — снижении дискурсивной роли протеста как механизма эффективной коммуникации гражданского общества и власти: «*77 процентов россиян не готовы участвовать в акциях протеста.* Об этом свидетельствуют данные опроса ВЦИОМ, опубликованные на сайте организации»²; «*Действительно, протестные и освободительные движения в последние годы получили мощную поддержку благодаря соцсетям. Это позволяет собирать протестные массы без лишних затрат и за короткое время. Правда, как правило, это упрощает не только такие сборы, но и саму протестную психологию: она становится все более поверхностной и обретает консистенцию мыльного пузыря*»³.

Деграция массового протеста как средства донесения своей позиции до власти отражена в изданиях и делового, и либерального спектра: «*Большинство россиян считают, что массовые акции не приведут к положительным результатам.* О том, что они вполне могут заставить власть эффективнее бороться с кризисом, ответили 21,8%. Относительное большинство, 48,3%, считают, что эти акции ни к чему не приведут. А 27,3% считают, что такие акции *только ухудшат ситуацию*»⁴; «*Сегодняшний российский протест — это больше не попытка изменить власть и даже не надежда изменить общество. Это необходимость выходить, говорить или писать, чтобы не потерять себя.* Тем, кто имеет возможность быть среди десятков тысяч единомышленников, как в Москве и Петербурге, намного легче, чем тем, кто выходит один, но мотивация такая же: “Я выхожу, потому что не могу не выйти”»⁵. Критике подвергается и способность наиболее популярных протестных движений к эффективной трансляции в общество своих ценностей: «*В отличие от успешных социальных движений (рабочих, феминистических, ЛГБТ-движений), белоленточники не сумели создать объединяющей идентичности для общества в целом.* Они также не использовали всего богатого “протестного репертуара”, который обычно делает движение успешным»⁶.

Отметим, что, несмотря на вышеизложенное, в условиях практического отсутствия эффективных каналов коммуникации между властью и обществом массовые акции по-прежнему остаются главным механизмом артикуляции последним своих интересов, однако в их наполнении все больше начинает преобладать правозащитная составляющая: «*Мы убеждены, что чем больше людей разных убеждений принимают участие в массовых акциях в защиту гражданских, политических, социально-экономических и культурных прав человека, в поддержку вер-*

¹ От редакции. Общественная палата обнаружила в России регионы с протестными настроениями. — *Lenta.ru*. 12.05.2015.

² От редакции. Почти 80 процентов россиян отказались лично выходить на митинги. — *Lenta.ru*. 23.01.2015.

³ Новоселова Е. Площадь без революции. — *Российская газета*, 26.01. 2015.

⁴ Тагаева Л. 29,6 процента россиян поддержали проведение «антикризисных маршей». — *РБК Daily*, 27.02. 2015.

⁵ Эйсмонт М. Гражданское общество: Протест одиночек. — *Ведомости*, 19.03. 2015.

⁶ Соболева И. Излучение Болотной. — *Новая газета*. 22.05.2015.

ховенства закона, тем больше шансов на ненасильственный, бескровный выход из нынешнего кризиса. <...> Мирные гражданские акции – необходимый инструмент влияния гражданского общества на государственную машину в тот момент, когда она демонстрирует свою неэффективность»¹.

Как и в 2014, в 2015 г. российское гражданское общество продолжает находиться на периферии общественного дискурса и испытывать негативные последствия коммуникативного и институционального «провала» в отношениях с государством. В условиях сложной международной обстановки продолжает укрепляться запрос государства на «понятное» и «конструктивное» гражданское общество, выступающее не столько критиком власти, сколько ее опорой в политике национальной консолидации, чему служит комплекс законодательных и общественно-политических инициатив государства, нашедших в 2015 г. отражение в соответствующих практиках.

Опыт сравнительного анализа репрезентации гражданского общества в российских СМИ различной направленности показывает, что наряду с тенденциями к разделению действующих в России некоммерческих организаций на «социально» и «политически» ориентированные и репрезентации протестной активности как деструктивной для страны и общества, можно выделить и общий тренд на внутреннюю диверсификацию третьего сектора, постепенное повышение уровня его «принятия» основной массой населения, что выступает важным положительным фактором развития гражданского общества в России.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00262а «Динамика развития гражданского общества в современной России»).

Список литературы

Бардин А.Л., Кокарева А.Н., Михайлова Е.В. 2014. Гражданское общество в дискурсе российских СМИ. – *Власть*. № 12. С. 130-139.

Петухов В.В., Петухов Р.В. 2015. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 25-48.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. 2015. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 49-63.

Schmitter P.C. 1992. *Civil Society East and West*. – Larry D., Plattnesophir M.F., Seligman Y.A. *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan. 243 p.

BARDIN Andrey Leonidovich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, scientific editor, «Polis. Political Studies» Journal; Junior Researcher of the Centre for the Comparative Socio-Economic and Socio-Political Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsoyuznaya St, Moscow, Russia, 117997; andreybardin@gmail.com)

KOKAREVA Anna Nikolaevna, editor of the Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; scientific editor of «Polis. Political Studies» Journal (off. 208, 24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; bimurr@gmail.com)

МИХАЙЛОВА Елена Viktorovna, *Cand.Sci.(Hist.)*, executive editor of «Polis. Political Studies» Journal (off. 208, 24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; lilaste@list.ru)

¹ От редакции. «1 марта – против войны и диктатуры». – *Новая газета*. 23.02.2015.

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article sums up the results of the comparative analysis of how Russian civil society structures are represented in the selected Russian print and electronic mass media in 2014–2015. The study used the methods of discourse and content analysis of the lexical units, which formed language images of civil society. The authors also paid attention to the role of civil society as a subject, and the key topics and discourse frameworks of its representation.

Keywords: civil society, civic activism, protest activity, public control, state, communication, discourse

ЖВИТИАШВИЛИ Анатолий Шалвович – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, zhvitiashvili-a@mail.ru)

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ НА ЗАПАДЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. В статье анализируются слои социальной депривации – новые социальные группы на Западе. Их появление вызвано серьезными структурными изменениями в экономической и социальной сферах западного общества. Основным критерием их выделения из других социальных групп является статус гражданства. Новые депривированные слои представляют собой не классы, а статусные группы. Их специфический статус влияет на их поведенческую стратегию, которая вызывает опасение у западных аналитиков.

Ключевые слова: новые социальные группы, андеркласс, NEET, прекариат, гражданство, социальная депривация, поведенческая стратегия

Сконца XX в. западные общества вступили в полосу новой, говоря словами К. Поланьи, «великой трансформации», встав на путь постиндустриального развития. Это путь развития информационных технологий, наукоемких производств, глобальных рынков, сетевой организации труда, вызывающей, по словам М. Кастельса, «раскол» между «родовой» рабочей силой, «потенциально заменимой машинами или другими членами родовой рабочей силы», и «информационными производителями». Радикальные изменения затронули и социальную структуру. Возникли новые социальные группы, в т.ч. группы социальной депривации, которым не нашлось места в концептуальных схемах ранних теоретиков постиндустриального общества. Их анализ актуален и для понимания социальных процессов в России, где формируются аналоги таких групп. Мы рассмотрим три новые депривированные группы – андеркласс, *NEET* (*Not in education, employment nor training* – индивиды без образования, работы и трудовых навыков) и прекариат.

Факторами их становления следует считать глобализацию мировой экономики, постоянный приток иммигрантов в западные страны, рост нестабильности занятости, спад восходящей социальной мобильности, вызывающий кризис меритократической стратификации. Близость расположения указанных групп в социальном пространстве создает впечатление, что между ними больше общего, чем различий. Здесь возникают вопросы. Являются ли эти группы отдельными стратами, или их следует объединить в одну социальную когорту? И можно ли ее считать классом? Для ответа на эти вопросы рассмотрим основные характеристики данных социальных групп в компаративной перспективе.